

Непридуманный Коптюг

Одно из ярчайших личностных качеств Валентина Афанасьевича Коптюга — его гражданская принципиальность. На всю жизнь он сохранил свои коммунистические убеждения, не бросил партбилет, как это сделали многие деятели весьма высокого ранга, но продолжал развивать социалистические идеи применительно к реалиям времени. Об этой стороне его жизни вспоминает Александр Павлович Филатов, первый секретарь Новосибирского обкома КПСС в 1978—1988 годах.

Откровенно говоря, до того, как встал вопрос о назначении В.А. Коптюга председателем Сибирского отделения, я его мало знал. Он был ректором университета и ранее крупных руководящих должностей не занимал. Однажды во время заседания бюро обкома меня приглашают к аппарату ВЧ. На проводе — Кириленко Андрей Павлович, который работал тогда вторым секретарём ЦК: «Мы сейчас с Гурием Ивановичем Марчуком обсуждаем, на кого оставить Сибирское отделение. Он предлагает Коптюга Валентина Афанасьевича».

К тому времени у нас ещё была кандидатура Андрея Алексеевича Трофимука. Не знаю, какие доводы были приняты во внимание — возможно, разница в возрасте (Трофимуку уже было прилично), возможно, статус химии как «более точной», чем геология, науки — никто мне об этом не говорил. Так что, когда мне это сообщили на заседании бюро, я, конечно, ответил, что у нас возражений принципиальных нет. Вот при таких обстоятельствах Валентин Афанасьевич был согласован и утверждён председателем Сибирского отделения.

Надо сказать, первое время в обкоме его встретили несколько настороженно. А потом стали проявляться качества, о которых просто люди как следует не знали, и в очень короткие сроки Валентин Афанасьевич сумел завоевать авторитет и доверие — и у нас в Новосибирске, и в других обкомах, где он стал бывать. В частности, в Томском, которым руководил наш земляк Е.К. Лигачёв. И мы как-то очень быстро подружились с Валентином Афанасьевичем. На всю жизнь, до самого конца.

Человек он был тактичный, скромный, невероятно порядочный. Никогда каких-то непродуманных высказываний я от него не слышал. В некоторых делах он очень выгодно отличался от Михаила Алексеевича Лаврентьева. Тот мог напрямую рубануть. Я, например, до сих пор считаю, что уход С.А. Христиановича из Сибирского отделения из-за конфликта с М.А. Лаврентьевым был для нас большой потерей. Но, как говорят, характером трудно совладать. Валентин Афанасьевич, пока не изучит вопрос, никогда решения опрочётчивого не принимал.

Авторитет его рос на глазах. Я внёс предложение избрать его в состав бюро областного комитета партии. Он не возражал, хотя я знаю, не все ему советовали брать на себя дополнительную нагрузку. Но, с другой стороны, как потом он признался и даже публично выступил на пленуме, как член бюро обкома он очень многое приобрёл, прошёл школу «гражданскую, партийную и политическую».

По принципиальным вопросам он всегда выступал на бюро, давал свои оценки. Это нам тоже помогало, потому что кругозору него был широчайший, и его совет всегда считался очень важным.

Как коммунист он никогда не отказывался ни от каких поручений, никогда не считал себя на каком-то особом положении. Правда, мы учитывали его колоссальную занятость и старались излишне его не нагружать. Но в решении крупных, важных для области вопросов он принимал самое активное участие.

На бюро обкома систематически разбирались наиболее перспективные и значимые проблемы промышленности, сельского хозяйства, культуры и образования, в том числе и вопросы связи науки с производством. При обкоме постоянно работал под моим началом Совет внедрения достижений научно-технического прогресса. Это был очень важный орган для связи науки с производством. Там были представлены крупные учёные, директора заводов и специалисты предприятий. Сначала у меня заместителем был Гурий Иванович Марчук, потом Валентин Афанасьевич стал одним из наиболее деятельных участников Совета.

Мы регулярно встречались с В.А. Коптюгом по этим вопросам. Помню, однажды они приехали вместе с Дмитрием Константиновичем Беляевым, которого я очень уважал. Правда, вы знаете, что он не был членом КПСС. Я как-то с ним откровенно стал говорить: «Дмитрий Константинович, а что Вы в партию не вступите?» А он отвечает: «У меня отец священником был. Будут все без конца расспрашивать. Я в душе коммунист, и этого мне достаточно». Вообще, это действительно был человек, достойный этого звания по-

настоящему. Он показал это и на фронте, и после войны.

Как раз в те годы Институтом цитологии и генетики совместно с ВАСХНИЛ был выведен новый сорт пшеницы «Новосибирская-67». Д.К. Беляев приехал вместе с В.А. Коптюгом, мы детально обсудили перспективы расширения посевных площадей, он предложил поехать в поле посмотреть. А потом эта пшеница в Новосибирской области дала почти три четверти всех урожаев. Она была неполегаемая, что очень важно для условий Сибири, и, кроме того, содержание клейковины выше. Поэтому она и была принята селянами, как говорят, «на ура!».

В.А. Коптюг уделял постоянное внимание так называемому «поясу внедрения». Ещё при М.А. Лаврентьеве был построен десяток СКБ, на которые в то время возлагались большие надежды. Идея была такая — предлагать производству не просто разработку учёных, а уже готовую технологию, выпускать по несколько экземпляров или пробную партию изделий, чтобы как-то ускорить их освоение.

Моё выступление на XXVII съезде КПСС с Валентином Афанасьевичем готовили вдвоём. И как раз его предложение о создании межотраслевых научно-технических комплексов на базе академических институтов и организаций «пояса внедрения» я и изложил с высокой трибуны. Его можно посмотреть, это выступление — оно на 60 % посвящено вопросам внедрения научных достижений.

Конечно, вопрос внедрения — очень непростой вопрос. Иногда прекрасные идеи могли оставаться на бумаге долгие годы. В качестве примера могу привести уплотнение стрелочных переводов взрывом. Дело в том, что стрелочный перевод — устройство очень ответственное, и, к примеру, на узловой станции Инская, где идёт огромное количество поездов, выходные стрелки надо менять каждые две недели. А уплотнение остряков и крестовин стрелочных переводов позволяло увеличить срок их службы до полугодия. Идею выдвинул А.А. Дерибас, впоследствии лауреат Ленинской премии, ещё в 1960-е годы. И это предложение, явно выгодное, не внедрялось Министерством путей сообщения целых 15 лет. Можете себе представить, какие потери были нанесены! Тогда всё же с помощью Центрального Комитета удалось добиться, чтобы МПС подошло к предложению учёных внимательно. На Стрелочном заводе в Инской был построен цех, и мне посчастливилось первым стрелочный перевод уплотнить методом взрыва (в то время я работал первым секретарём горкома). Вот пример, как не просто происходило внедрение. Ведь что значит внедрить новое? Это значит — поломать всё, что было раньше, и начать по-новому. А это всегда тяжело даётся. Человек идёт по пути наименьшего сопротивления.

По просьбе В.А. Коптюга в 1984 году в Госплане СССР была организована вставка наиболее важных прикладных работ институтов СО АН. Председатель Госплана Н.К. Байбаков, человек очень прогрессивный, собрал расширенное совещание с участием руководителей заинтересованных министерств и ведомств. С докладом на совещании выступил Валентин Афанасьевич. Результатом явилось постановление Госплана СССР, определявшее источники финансирования и сроки внедрения на предприятиях около 200 разработок сибирских учёных. Хотя и тогда большого перелома не произошло. Как показала потом жизнь, в стране так и не появились условия для использования научно-технических достижений.

Валентин Афанасьевич продолжил традиции, заложенные М.А. Лаврентьевым в подготовке научных кадров. Он сохранил и развил далее систему олимпиад, Физико-математическую школу и, конечно, Новосибирский государственный университет как детище Академгородка.

Приближалось 25-летие СО АН СССР, и меня попросили, чтобы я походатайствовал о награждении Отделения. Я поехал в ЦК. (Кроме того, что орден надо заработать, надо иногда и попросить). Обошёл почти всех членов Политбюро, кроме отсутствовавшего М.А. Суслова. А когда уехал, мне сказали, что все «за», а вот Суслов молчит. Но кончилось тем, что всё же проголосовали за орден Ленина Сибирскому отделению. В мае 1982 года состоялась торжественная церемония. Собрались все первые секретари обкомов Запад-

ной Сибири, руководители научных центров, из Москвы приехал президент АН СССР А.П. Александров. Вручил орден М.С. Соломенцев, Председатель Совета Министров РСФСР, принял награду председатель СО АН СССР В.А. Коптюг. Одновременно к наградам была представлена большая группа учёных.

Потом началась череда тяжёлых лет жизни. В 1988 году (я уже уходил на пенсию) мы с Валентином Афанасьевичем вместе летели в Москву, долго беседовали о положении в партии и стране. Чувствовалось, что моральное состояние у него очень тяжёлое. «Никому в Москве не нужна наша наука!» Дошло даже до того, что они ни к кому не мог попасть на приём, чтобы решить какой-то финансовый вопрос. Тогда он и сказал: «Если так дальше пойдёт, через два года я уйду с поста председателя. Больше я не выдержу». Но выдерживал ещё девять лет.

В 1992 году, когда В.А. Коптюг съездил на конференцию в Рио-де-Жанейро, он загорелся идеей устойчивого развития. Не все его поняли, да прямо скажем, некоторые просто отвергли концепцию, которой он жил все последние годы. А пошёл по другому пути — пагубному, по которому мы до сих пор идём. Благо, что Зворыкин когда-то изобрёл телевизор. Оболванивают сейчас при помощи этого прекрасного инструмента народ.

Известна знаменитая речь Валентина Афанасьевича на Конституционном суде по «делу КПСС». Я, к сожалению, там не присутствовал. Но, по мнению многих, это была самая памятная речь на суде. Он выступал как настоящий коммунист, защитник партии, и именно на базе концепции устойчивого развития, которую считал социалистической по своей сути.

Как раз в 1992 году мне исполнилось 70 лет. Меня губернатор пригласил, я понял, что хотел поздравить, потому что когда-то вмес-

те работали, но так и не принял. И никто, кроме близких друзей, не поздравил. И вдруг появляются Валентин Афанасьевич с его помощницей в Москве Татьяной Павловной Мельниковой, подарки достают. Посидели мы, поговорили. Так что это воспоминание о моём 70-летию с Валентином Афанасьевичем у меня осталось на всю жизнь.

Потом тоже встречались, но не так часто. Время такое было — не до встреч.

Вообще, мы с Валентином Афанасьевичем дружили, иногда встречались семьями. Моя жена всегда была моим единомышленником, разделяла все мои взгляды, хотя формально коммунистом никогда не была. А Ирина Фёдоровна, как я понимаю, всегда была единомышленницей Валентина Афанасьевича. Я её очень ценю. У них была замечательная семья, дружная.

У него вообще была характерная черта — он всё пропускал через себя. И пока не разберётся лично, решения не примет. Но может принять решение, которое не совсем нравится руководству. В этом плане он был человек совершенно самостоятельный. Казалось мягким, но был настойчив, если в чём-то убеждён. Некоторые это не понимали и не воспринимали.

Валентин Афанасьевич отличался исключительной скромностью. Мало кто, например, знал, что он лауреат Ленинской премии, премии им. А.П. Карпинского — он никогда этого не афишировал. Про звание Героя Социалистического Труда, конечно, знали, а про другие премии и награды — только близкие знакомые. Он никогда не позволял себе огульно кого-то критиковать, хотя, может быть, и имел право. Это был человек высочайшей культуры и такта. Поэтому память о нём осталась, я думаю, добрая, непридуманная.

Подготовил Ю. Плотников, «НВС»
Фото В. Новикова

